

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Зловещий трофей / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Беспокойное
лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-210108-3

Послевоенную столицу потрясает серия громких убийств работников железной дороги. Каждый раз после расправы преступники что-то упорно ищут в домах своих жертв. Оперативники МУРа Иван Старцев и Александр Васильков замечают на месте преступления важную улику — след трофейного немецкого автомобиля. Таких машин в Москве всего несколько штук. Остается найти владельца и через него выйти на злоумышленников. Внезапно такая, казалось бы, простая задача становится для сыщиков настоящей боевой операцией...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-210108-3

ПРОЛОГ

*Ближнее Подмосковье
Лесной массив восточнее Ярославского шоссе
Конец мая 1945 года*

В одном из овражков посреди густого смешанного леса, простиравшегося на многие километры северо-восточнее Московской окружной железной дороги, горел яркий костерок. Возле него сидели двое относительно молодых мужчин. Точно их возраст определить было сложно. Оба давненько не стригли волос, не брились, не посещали баню. В таком же неопрятном состоянии пребывали и их одежда с обувью.

Вечерело. От безветрия дымок тянуло вверх, но в сумерках над лесом его не приметил бы ни один внимательный взгляд. Дно овражка было покрыто слоем прошлогодней листвы, сквозь которую обильно пробивалась молодая травка.

По правую руку от светловолосого мужчины лежал кожаный коричневый шлемофон, немецкий пистолет-пулемет «МР-40» и офицерский ремень с брезентовым подсумком для трех запасных магазинов. На мужчине был старый пиджак, надетый поверх тонкого шерстяного свитера. Черные широкие брюки, легкие тряпичные туфли непонятного цвета.

По левую руку был накрыт «стол». «Столom» служила старая измятая газета «Известия» от 10 мая 1945 года. На ее первой странице размещались в ряд три портрета: Сталина, Черчилля и Трумэна. Слева под портретами публиковалось обращение товарища Сталина к народу. Справа — приказ Верховного главнокомандующего.

Тексты обращения и приказа было не разобрать, так как аккуратно на них лежала нехитрая закуска: испеченная в золе картошечка, пожаренная на костре рыбка, вскрытая банка консервов да краюха ржаного хлеба.

Второй мужчина был немного постарше, высок, широкоплеч и хорошо сложен. Одет он был в добротную офицерскую форму: зеленый китель без погон, в синие галифе, давно не чищенные хромовые сапоги. Китель и галифе, правда, были

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

на размер или два поменьше — видно, достались с чужого плеча.

Рядом с ним на расстеленной шинели валялся ремень с большой кобурой армейского «вальтера» и эсэсовский кинжал. Чуть подальше на траве лежали удочки из срезанной свежей лещины. Между ног здоровяка стоял раскрытый вещмешок, над которым он разливал по кружкам водку.

— Давай, Игнат, за удачную вылазку, — подал он кружку напарнику.

Тот принял посудину, с удовольствием вдохнул запах водки.

— Чтобы нам всегда фартило, — сказал он низким хрипловатым голосом и залпом опрокинул в себя алкоголь.

Выпив, принялись за картошечку и рыбку, которую недавно наловили в прудах между Мытищами и Оболдино. Немного придавив в желудках голод, закурили.

— Хорошо, — откинулся на шинель здоровяк. — Скоро лето. Заживем.

— Летом везде хорошо, — согласился Игнат. — Но знаешь, что я тебе скажу. Опасно возле Москвы отираться. Здесь одних энкавэдэшников — пехотный корпус, если считать по головам.

Плюс легавые, вояки да моссеры¹. Не ровен час напоремся.

— Что предлагаешь?

— На юга надо подаваться. На Кубань, на Кавказ или к Черному морю. Я дезертировал в мае сорок четвертого и сюда добирался кружным путем через Ростов и Ставрополь. Тут только до октября можно жить припеваючи, покуда морозы не вдавят. А там круглый год как у Христа за пазухой: во-руй да пей сулейку².

— А что там конкретно?

— Тепло там, Паша, и это главное. А так... народу поменьше, жизнь поспокойнее, фрукты, овощи, баранина, вино.

Здоровяк по имени Павел глубоко затынулся табачком, задумался. Потом поднялся с шинели, сел, пульнул окурок в костер. Сплюнул в сторону и сказал:

— Тепло я люблю. В штрафной роте на всю оставшуюся жизнь насиделся по блиндажам да окопам в лютый мороз и в распутицу. Солнца хочу. Только чего ж пустыми-то ехать? Там надо местечко поды-

¹ Моссер — осведомитель или сотрудник уголовного розыска.

² Сулейка — водка.

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

скать, осмотреться. Может, шоблу подходящую полукать¹. Для этого, Игнат, башли надо иметь.

— Так взяли ж!

Паша усмехнулся, оскалив два золотых зуба. Из кармана галифе он достал и бросил на шинель десяткадва скомканных купюр, а из нагрудного кармана кителя вынул горстку золотых ювелирных изделий.

— Этого хватит только на дорогу. А там что же, в паломники² подаваться?

— А помнишь, ты сберкассу предлагал взять?

— Было дело.

— Так чего ж? Давай обмусолим и организуем налет. Прихватим сто кусков наличмана, а?

— Не пыли. — Здоровяк разлил по кружкам оставшуюся водку. — Тут помозговать надо. Времецко ныне беспокойное: война закончилась, страна в разрухе, жрать нечего... А денег на руках много, особенно у демобилизованных офицеров. Вдруг Рябой³ денежную реформу замыслит? Что

¹ Л у к а т ь — искать что-либо, выznавать, бродить в поисках.

² П а л о м н и к — вор, совершающий кражи с прилавков магазинов и базаров.

³ Р я б о й — одно из прозвищ Сталина в уголовной среде.

тогда делать с сотней кусков? Заявиться с ними в другую сберкассу и попросить поменять?

Вопрос поставил простоватого Игната в тупик. Выпив водку, он схватил кожаный шлемофон, занюхал им и прохрипел:

— Как же быть?

В ответ Паша сгреб с шинели скомканные купюры. На шинели остались лежать золотые ювелирные изделия.

— Рыжье и шелуха¹. Усек?

— Нет.

— Рыжье и шелуха всегда останутся в цене опосля любой реформы.

— Точно! — расплылся в улыбке Игнат.

— То-то же. А барыга² в любом городе найдется. Только вот что... — Здоровяк рассовал обратно по карманам добычу. — Чтобы дело вышло верным, надо бы оседлать агрегат³.

— Автомобиль, что ли?

— Да. Чего ты на меня вылупился? На нем сподручнее и делишки обстряпывать, и от мусорни уходить. А коли справим добрые

¹ Рыжье и шелуха — золото и бриллианты.

² Барыга — скупщик краденного.

³ Оседлать агрегат — угнать автомобиль.

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

бирки¹, то и на юга махнем на собственных колесах...

Небо становилось серым, в лесу быстро темнело.

Паша вынул из вещмешка вторую бутылку водки, разлил по кружкам очередную порцию.

Выпив и закусив, дружки еще долго обсуждали у затухавшего костерка планы на ближайшее будущее...

¹ Б и р к и — документы, удостоверяющие личность.

ГЛАВА 1

*Венгрия. Недалеко от северного берега
озера Балатон
15 декабря 1944 года*

Густой лес еще сохранял таинственную сумрачность, но позади над восточным горизонтом уже полыхнуло красно-оранжевое зарево. Начинался новый день.

Командир дивизионной разведки майор Павлов подыскивал удобную для большого привала полянку. Люди устали. Пора было подкрепиться и как следует отдохнуть.

Этот выход не заладился с самого начала. Приказ собрать группу из двенадцати человек поступил из штаба фронта неожиданно, под вечер. Из всей разведроты живыми-здоровыми числились только девять душ, включая самого ротного. Семнадцать бойцов мотались по госпиталям с различными ра-

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

нениями, рядовой Курбанов второй день дрисстал, не вылезая из кустов, его за линию фронта не возьмешь — замучает остановками. Федя Хлынов — надежный и верный помощник — каждый день пехом мотался в санвзвод на перевязки. Ранение он получил во время неудачного «поиска», когда группа была обнаружена и отходила с боем. Его участие в рейде тоже было под большим вопросом.

Павлов построил всех имевшихся в наличии, вкратце обрисовал задачу, приказал снять погоны, сдать документы и ордена, получить боеприпасы, сухари, хлеб, тушенку. Подошедший комдив по началу рыкнул:

— Почему так мало людей?!

Услышав ответ Павлова, сбавил обороты:

— Ладно... Но надо бы добрать хотя бы до десятка.

Надо бы, да где этого десятого взять? Не родить же... И снова вспомнился друг Хлынов. Сколько раз после ранений и госпиталей Павлову и Хлынову предлагали перейти из разведки в один из полков дивизии. Не пацаны уже. Как ни крути, а должности для таких офицеров в строевых частях поспокойней, чем в разведроте. Что ж, иногда мыслишки об отдыхе посещали — зачем кривить душой? Ведь постоянное физическое и психиче-

ское перенапряжение выматывало так, что организм и душевное состояние требовали отдыха или хотя бы передышки. Но удивительное дело: когда они случались, эти передышки, то мысли начинали работать в другую сторону. Когда Павлов в последний раз валялся в медсанбате с пробитой осколком ногой, то так затосковал по товарищам и разведке, что едва хватило терпезу долечиться.

Вышли с позиций еще засветло, пару километров топали вдоль линии фронта по обочине грязной разбитой дороги. И тут вдруг навстречу капитан Хлынов с перевязки. Вот радость-то! Остановились. Оказалось, что его эпопея с ранением закончена, повязок больше нет — сняли.

Узнав, что к чему, Федор решительно заявил:

— Я с вами!

— Выдюжишь после месячного простоя? — только-то и спросил Павлов.

— Еще как! — ответил капитан, готовый пристроиться в хвост группы.

А чего ему было раздумывать? Здоров, полон сил, оружие и дневная пайка при себе. Правда, документы с наградами не сдал. Вполголоса он напомнил об этом Павлову. Тот отмахнулся:

— Ладно, чего уж... не смертельно.

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

Что ни говори, а майор был очень рад такому повороту. Хлынов — давний друг, опытный разведчик. Такой во вражеском тылу троих стоит.

Ну а Федор засунул бумаги поглубже в сапог, ордена-медали в холщовый мешочек, да подальше в карман галифе. И, поправив висевший на плече автомат, зашагал замыкающим группы...

* * *

Наконец Павлов наткнулся на подходящую полянку, покрытую островками еще зеленевшей травы. Сбросил с плеча автомат и кивнул товарищам:

— Здесь. Привал два часа.

— Наконец-то, — устало прошептал старшина Савин.

Он тоже поспешил освободиться от оружия и тяжелого вещмешка, где помимо харчей лежали боеприпасы и медикаменты.

Однако командир разрушил его надежды:

— Старшина, ты первый в дозор.

— Слушаюсь, — проворчал тот.

— И повнимательней. Капитан несколько раз слышал странные звуки.

— Неужто увязался хвост? — Старшина опасливо посмотрел в ту сторону, откуда пришла группа.

— Не исключаю...

Затяжной марш-бросок вымотал разведчиков. Едва наступила ночь, они пересекли линию фронта и сразу же углубились в немецкий тыл. Шли без отдыха, обходя ровный и безлесный северо-восточный берег озера Балатон. Гражданское население Венгрии жило хорошо и довольно сытно; отношение к советским бойцам было настороженное, но без агрессии. Тем не менее разведка действовала по старому, проверенному принципу: чем меньше людей знает о группе, тем больше у нее шансов вернуться к своим. Потому и кружили по густым лесам. Лишь дважды группа останавливалась на короткие перекуры, и оба раза прикрывавший товарищей капитан Федор Хлынов предупреждал о подозрительных шорохах и звуках.

— Что скажешь? — тихо спросил майор, когда остановились на полянке.

— В последний раз слышал часа два назад. — Хлынов расстегнул ворот гимнастерки.

— И на что это было похоже?

— Будто сухая ветка сломалась под ногой. Полная тишина. Потом — короткий щелчок. И опять тихо.

Павлов пожевал нижнюю губу, качнул головой. И предположил:

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

— Мы отмахали километров двадцать пять, прилично устали. Тебе не могло показаться?

— Не знаю, Петр, — неуверенно ответил Хлынов. — Раз другие не слышали, то и я мог напутать.

— Ладно, глотни водки и отдыхай...

Офицеры от капитана и выше в разведку и на поиск ходили редко. Поговаривали, будто из Ставки пришел секретный приказ: капитанов и майоров не посылать. Дескать, много знают, представляют для немцев большой интерес. Существовал ли он на самом деле или являлся выдумкой — неизвестно. А только отправляли их за линию фронта в одном случае: когда больше идти было некому.

Озеро Балатон с невероятно красивым северным берегом протянулось с запада на восток аж на восемьдесят верст. В середине декабря 1944 года линия фронта проходила аккурат по южному берегу. Советские части из 4-й Гвардейской армии прижали немца вплотную к воде. Тот отчаянно сопротивлялся, но с каждым днем терял силы и уверенность. Обе воюющие стороны понимали: еще немного, и Венгрия окажется под полным контролем Красной Армии.

Масштабное наступление на Будапешт было назначено на 20 декабря, и перед его началом штабу

фронта требовались свежие данные о противнике. Чтобы добыть эти сведения, за линию фронта отправилось несколько дивизионных разведгрупп. Одной из них и была группа майора Павлова, вышедшая на задание под позывным «Иволга».

* * *

Настоящая зима в Венгрии наступала к концу декабря. Снег устойчиво ложился в северных горных районах, на равнинах же зима напоминала о себе легкими морозцами по ночам.

Девять утра. Объявлен длительный привал. Время всеобщего блаженства. Нет надобности выкладываться на марше, никто не подгоняет, не беспокоит сбившаяся на ногу портянка. Мышцы в расслабленной истоме, можно посидеть на сухой травке, успокоить дыхание. Обстановка и относительно теплое утро позволяют скинуть тяжелую шинель или ватник и освободить от надоевшей обуви натруженные ноги. Можно вдоволь напиться, перекусить и, свернув сигарку, насладиться крепким дымком. А после и прикорнуть, куда не прозвучит команда к продолжению марша.

Разведчики перевели дух, разделись, обустроились. Зашуршали вещмешки, заскрипели ножи по

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

тонкому металлу консервных банок. По-над поляной поплыл аромат хорошей тушенки...

— Отличное мясо. Свежее, мягкое. Прямо как вчера закатано в баночку, — закусывал тушенку хлебом и нахваливал связист Николай Яковенко — поджарый хозяйственный мужик лет тридцати пяти.

Его давний товарищ — Вячеслав Рябинин — с удовольствием соглашался:

— Точно — ни жил, ни хрящей. Одни волокна в нежном жире. Баночку съешь, и на весь день в животе сытость. Не то, что раньше. Помнишь, чем нас поначалу в окопах потчевали?

— Еще бы! Я ту кухню до конца дней не забуду. Пустая каша на воде — сожрешь ее полкотелка, набьешь пузо, а толку... через час опять голодный. А тут — мечта, а не ужин! Хоть какая-то польза от американских союзничков...

— Подставляй кружки, — появился с фляжкой командир.

— Это можно... — дружно завозились бойцы.

Отмеряя на глаз, Павлов налил каждому по сто грамм водки.

— Ты напраслину-то на союзников не гони, — заметил он, завинчивая крышку на фляжке. — Им тоже несладко пришлось.

— Это где же? — не понял Яковенко.

Успев повоевать на Дальнем Востоке и в Финскую, Павлов числился опытным и знающим командиром. С рядовым составом завсегда был справедлив, говорил редко да метко — воздух зазря не сотрясал.

— От япошек проклятых, — поморщился он. — Жутко обижены япошки за озеро Хасан и Халхин-Гол, потому всерьез готовились напасть на наш Дальний Восток. А когда американцы объявили им войну опосля бойни в Пёрл-Харборе в конце сорок первого — не до нас им стало.

— Что ж там за бойня случилась?

— Форменная мясорубка. Американцы потеряли полтора десятка больших военных кораблей, около двухсот самолетов. Менее чем за час погибли две тысячи человек. Хреновый был день для Америки, и уже к вечеру они объявили о вступлении во Вторую мировую войну. Так что, если б не союзники, пришлось бы нам, братцы, разрываться на два фронта. А это совсем другой коленкор.

Связист и снайпер понимающе молчали. Союзники, конечно, припоздали с открытием второго фронта в Европе, но его значимость от этого меньше не становилась. После его открытия Германию будто подменили: из мощного и надмен-